

И. А. Ладынин

«СТЕЛЫ СЕСОСТРИСА»: ТОПОС АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ РЕАЛИИ

В статье автор показывает, что сюжет античной традиции о «стелах Сесостриса» – памятниках завоеваний великого египетского царя, поставленных им в покоренных странах, – который с наибольшей подробностью передан Геродотом (Herod. II. 102), может восходить к воспоминаниям о надписях Сенусерта III на границе египетского влияния в Нубии, контаминированным (при подверстывании в позднеегипетской историографии к фигуре Сенусерта III/Сесостриса всех этапов внешней экспансии Египта II тыс. до н.э.) с воспоминаниями о сходных памятниках царей XVIII династии на рубежах их продвижения в Азии.

Ключевые слова: античная традиция, Геродот, позднеегипетская историография, Сесострис, Сенусерт III, XVIII династия, завоевания, стелы, Нубия, Азия, Евфрат.

Одним из наиболее запоминающихся компонентов античной традиции о великом египетском царе-завоевателе, известном прежде всего под именем Сесострис¹, является рассказ о памятниках, оставленных им там, где он одерживал победы со своим войском. Впервые этот рассказ появляется во II книге «Истории» Геродота, в изложении им истории Египта по царствованиям его правителей (II. 99–110). Согласно Геродоту, Сесострис, покорив сначала с флотом народы, обитавшие по берегам Эритрейского моря, двинулся с большим войском по суше в Азию и подчинял себе все народы, бывшие на его пути, пока не переправился в Европу и не достиг земель скифов и фракийцев. «Когда среди них (завоевываемых народов. – И.Л.) он встречал (людей) храбрых, твердо державшихся за свободу, то он воздвигал в их странах столпы (στήλας), сообщавшие в надписях имя его, его родины и как он подчинил их силой; о тех же, чьи города он брал не встречая сопротивления и легко, он писал на столпах так же, как и о тех, кто среди (покоренных) народов оказывались мужественными, но добавлял к надписи (изображение) женских половых органов, желая показать, что они были трусами» (II. 102: ὁ τεοίσι μὲν νυν αὐτῶν ἀλκίμοισι ἐνετύγχανε καὶ δεινῶς γλιχομένοισι περὶ τῆς ἐλευθερίας, τούτοις μὲν στήλας ἐνίστη ἐς τὰς χώρας διὰ γραμμάτων λεγούσας τὸ τε ἑωυτοῦ ὄνομα καὶ τῆς πατρὸς, καὶ ὡς δυνάμει τῇ ἑωυτοῦ κατεστρέψατο σφέας· ὅτεων δὲ ἀμαχητὶ καὶ εὐπετέως παρέλαβε τὰς πόλεις, τούτοις δὲ ἐν ἔγραφῃ ἐν τῇσι στήλεσσι κατὰ ταῦτα καὶ τοῖσι ἀνδρηλοῖσι

Ладынин Иван Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Sethe 1900; 1904; Kees 1923; Malaise 1966; Lloyd 1988, 16–37 (см. теперь также Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 313–320); Obsomer 1989; Иванчик 1999; 2005, 190–219.

τῶν ἐθνέων γενομένοισι, καὶ δὴ καὶ αἰδοῖα γυναικὸς προσενέγραφε, δῆλα βουλόμενος ποιέειν ὡς εἶησαν ἀνάλκιδες). Наличие, по мнению Геродота, подобных памятников во Фракии показывало, что египетское войско Сесостриса действительно там побывало (Urk. II. 103); кроме того, хотя, согласно «отцу истории», к его времени большинства этих памятников уже не было, он все же утверждает, что сам видел стелы с изображениями женских половых органов в «палестинской Сирии» (ἐν δὲ τῇ Παλαιστίνῃ Συρίῃ), и описывает два рельефа с изображением Сесостриса и иероглифической надписью «Я покорил эту землю своими плечами» (Εὐὼ τήνδε τὴν χώραν ὦμοισι τοῖσι ἐμοῖσι ἐκτῆσάμεν), якобы находящиеся в Ионии («на пути из Эфеса в Фокею» и «из Сард в Смирну») (Urk. II. 106). Этот же рассказ мы встречаем у Диодора Сицилийского, чьи сведения о Египте восходят к автору последней четверти IV в. до н.э. Гекатею Абдерскому (Diod. I. 55)², у Манефона (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 34. 3, 35. 3, 36. 3) и в схолиях к Аполлонию Родосскому (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272–274). Согласно Гекатею и Диодору, которые именуют этого египетского царя Сесоосис, надписи на его памятниках гласили: «Эту землю царь царей и владыка владык Сесоосис подчинил собственным оружием» (Diod. I. 55. 7: Τήνδε τὴν χώραν ὅπλοις κατεστρέψατο τοῖς ἑαυτοῦ βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν Σεσώωσις)³; кроме того, во всех этих источниках, кроме схолий, имеется понятное по своей логике искажение рассказа Геродота, согласно которому египетский царь изображал на своих памятниках не только женские половые органы в знак побед над трусливыми противниками, но и мужские – в знак побед над противниками храбрыми. «Знаковость» восходящего к Геродоту сюжета о стелах для представления античной традиции о Сесострисе проявилась в том, что именно он в качестве не только главной, но, по сути дела, единственной подробности о завоеваниях Сесостриса, пересказывается у Манефона и в схолиях к Аполлонию Родосскому.

Естественно, что рассказ о «стелах Сесостриса» достаточно подробно обсуждался и в научных публикациях, посвященных сведениям античных авторов, прежде всего Геродота, о великом египетском царе-завоевателе. Наиболее резко в плане отрицания его достоверности высказался автор египтологического комментария ко II книге Геродота А.Б. Ллойд: по его мнению, египтянам в принципе

² О зависимости сведений I книги Диодора Сицилийского, посвященной Египту (Burton 1972), от труда Гекатея Абдерского см. Murray 1970, 144 ff.; Burstein 1992, 45–49.

³ О коннотациях титула βασιλεὺς βασιλέων в античной традиции см. Bevan 1902, 241–244; Griffiths 1953, 145–154. В процитированных нами фрагментах Геродота и Диодора выражение ὦμοισι τοῖσι ἐμοῖσι может быть сопоставлено с египетскими пропагандистскими клише, утверждающими совершение завоеваний «руками» или «обеими руками» (ʿw, ʿwy) или «дланью» (*ḥpš*) царя (см. применительно к Позднему времени: Blöbaum 2006, 82–85); дуализм же выражения βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν может вызвать ассоциацию с базовым египетским термином, обозначающим легитимного царя-ритуалиста, «царь Верхнего и Нижнего Египта» (*nsw-bity*; cf. Beckerath 1999, 15–16; Blöbaum 2006, 62–63 – с отсылками к новой литературе) либо же с дихотомией терминов *nsw-bity* или *nsw* («царь»), которые могли относиться только к египетскому царю-ритуалисту, и *ḥkꜣ* («властитель») – обозначения любого фактического правителя (Blöbaum 2006, 48; Дж.Гв. Гриффитс считал возможным интерпретировать данное именование египетского царя у Диодора, сопоставляя его с эпитетом *nsw nsww ḥkꜣ ḥkꜣw*, впервые употребляющимся применительно к Аменхотепу II (Griffiths 1953, 150; Blasius 2003, 332); ср., кстати, необычный пассаж «Стелы сатрапа», содержащий – правда, в применении к божеству, а не к земному царю – эпитет *ḥkꜣ ḥkꜣw nsw nsww bity bityw* – «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта»; Urk. II. 17. 17).

было несвойственно возвеличивать доблесть своих врагов, а знак, символизирующий женское лоно, хотя и имеется в иероглифической письменности (GG(SL) N₄₁⁴), но был бы неопознаваем в этом смысле для неегиптянина; сообразно этим замечаниям, Ллойд предлагает считать данный сюжет Геродота чистой фикцией⁵. Прямо противоположную позицию занял бельгийский исследователь памятников египетской XII династии и традиции о ней Кл. Обсомер⁶: по его мнению, сведения Геродота о Сесострисе следует рассматривать в прочной связи с реалиями царствования Сенусерта III (1862–1843 гг. до н.э.). Само соответствие грецизированной формы имени «Сесострис» египетскому «Сенусерт» не вызывает сомнений у исследователей по крайней мере с начала XX в.⁷; следовательно, соотнесение рассказа Геродота и других авторов с деятельностью Сенусерта III – крупнейшего царя-воителя с этим именем – совершенно естественно, тем более что именно на его место в последовательности XII династии «определяет» царя с именем Сесострис и Манефон (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 34–36). Как считает Обсомер, сведения о войнах Сесостриса, перешедшие к Геродоту из египетской жреческой традиции, необходимо возводить к данным стел Сенусерта III из крепости Семне и с острова Уронарти о его войне в Нубии на 16-м году его царствования (см. ниже), а упоминаемые Геродотом памятники отождествить с самими этими стелами; при этом направленность сухопутного похода Сесостриса в Азию и Европу представляется бельгийскому египтологу интерпретацией, исходящей от Геродота, а не от его египетских информаторов. Наконец, надо заметить, что описанные Геродотом «памятники Сесостриса» в Азии получили весьма, даже, может быть, излишне, уверенную идентификацию со стороны современных исследователей: если стелы в «палестинской Сирии» предлагалось отождествлять с памятниками Рамсеса II в Нахр эль-Кельбе к северу от Бейрута или в Бет-Шеане в Палестине, то изображение «на пути из Эфеса в Фокею» получило гораздо более точное соответствие в одном из хеттских рельефов в проходе Карабель в Западной Малой Азии⁸. В целом же о попытках Геродота «подтвердить» предание о стелах реальными памятниками А.И. Иванчик, занимавшийся в нашей историографии сюжетом о Сесострисе больше всех, заметил, что историк «готов был приписать египетскому завоевателю едва ли не любые древние стелы и даже наскальные рельефы», применительно к европейским территориям скифов и фракийцев, включая, возможно, и «каменные бабы» кочевников⁹.

Подобное суждение кажется совершенно справедливым в том, что касается метода Геродота; однако оно едва ли объясняет само происхождение сюжета о походе Сесостриса в Азию и Европу. Предположение Кл. Обсомер, что сама подобная направленность сухопутных (*διὰ τῆς ἡπείρου*) походов Сесостриса есть интерпретация Геродота, которую он распространил на полученные от египтян данные о нубийском походе Сенусерта III, выглядит сугубо произвольным: учиты-

⁴ Изображение наполненного сосуда, служащее, как подтверждают написания Древнего царства, закономерной заменой *vulva*, с употреблением в качестве корневого знака в слове *hmt* («жена») и в качестве фонетического знака *hm* в большинстве слов с данным сочетанием согласных звуков (Gardiner 1957, 492).

⁵ Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 314.

⁶ Obsomer 1989.

⁷ Sethe 1900, 4–9; 1904, 43–57; Malaise 1966, 244–249.

⁸ См. об этом с отсылками к литературе: Иванчик 1999, 8–9; 2005, 193–195, рис. 13 (наскальный рельеф в проходе Карабель).

⁹ Иванчик 1999, 10; 2005, 194.

вая подробность сведений Геродота о делах Сесостриса в Азии и в Европе, трудно представить, чтобы они были целиком измышлены греческим историком. Кроме того, деяния исторического Сенусерта III включали, как известно, и поход, хотя и сравнительно недалекий, в Азию (его упоминает стела Хусебека из Абидоса – Manchester 3306¹⁰); и, допуская сохранение до времени Геродота детальных реминисценций о нубийской войне 16-го года Сенусерта, нельзя исключать того же самого и для его азиатского похода. Что касается пресловутого поиска Геродотом памятников Сесостриса в Азии, опять же, трудно представить, чтобы сама его идея исходила полностью от «отца истории»; несравненно логичнее считать, что он отталкивался при этом от изначальной уверенности в наличии там этих памятников, также почерпнутой от своих египетских информаторов. Сообразно этому, первооснову представления о том, что некий царь-завоеватель, тождественный Сесострису, воевал в Азии и оставил там свои памятники, стоит поискать собственно в египетской традиции.

Прежде чем приступить к этому поиску, попробуем независимо от него оценить, какие основания имелись к тому, чтобы к середине I тыс. до н.э. в принципе сохранилась живая память о Сенусерте III как о царе, оставившем свои памятники за пределами Египта. Мы имеем в виду прежде всего уже упоминавшееся мнение Кл. Обсоме, что эта память была связана с реминисценциями нубийской войны его 16-го года, запечатлевшейся в его стелах из Семне и Уронарти. Скажем сразу, что предполагать прямое знакомство информаторов Геродота с этими памятниками *in situ*, на территории Нубии было бы наивно; очевидно, что они могли отпечатлеться подобным образом в исторической памяти египтян только в случае, если получили определенное бытование в неэпиграфической историко-литературной традиции и, более того, были восприняты в ее рамках как нечто «знаковое» для самого представления о времени Сенусерта III. Основания для такого предположения весьма серьезны: в связи с этим нужно обратиться к подробно обоснованному мнению А.Е. Демидчика о том, что надписи с описанием деяний царей Среднего царства за пределами Египта, помещавшиеся на его рубежах и периферии, были важнейшими инструментами их пропаганды внутри Египта¹¹ (естественно, что при этом они должны были переписываться и читаться на папирусе или иных неэпиграфических носителях). Подобное значение явно следует признать и за надписями Сенусерта III от 16-го года в Семне (Berlin 1157)¹² и Уронарти (Khartoum 3)¹³: эти совпадающие тексты описывают военные предприятия названного царя, существенно продвинувшие границу Египта на юг, констатируют, что эта граница установлена прочно, и связывают это свершение, что характерно не с содействием Сенусерту III со стороны богов, а с его собственными превосходными качествами полководца и правителя¹⁴. Весьма важен и еще один момент: согласно данным текстам, важнейшая заслуга царя на момент их создания и на обозримую перспективу состоит не в дальнейшей экспансии, а прежде всего в удержании сформированного им нубийского рубежа¹⁵; таким образом, в его сознании и пропаганде четко разделены чисто теоретическое преобладание Египта над всем миром и реальное подчине-

¹⁰ Garstang 1901, 32–33; pl. IV–V; Sethe 1928, 82–83; пер. О.Д. Берлева: Хрестоматия 1980, 38–39.

¹¹ Демидчик 2005, 158–167.

¹² Sethe 1928, 83–84; Barta 1974; пер. У.К. Симпсона: Literature 2003, 337–338.

¹³ Janssen 1953 (с переводом).

¹⁴ Демидчик 2005, 171.

¹⁵ Демидчик 2005, 173.

ние территорий в его сфере влияния политическими и в особенности военными средствами. Как раз в этой связи в надписях 16-го года Сенусерта III появляется своего рода «военное морализирование», вложенное в уста самого царя: «...смолчать после нападения – значит укрепить сердце нечестивца; ярость – это доблесть, а отступление – это убогость; отесненный со своей границы – (трусливая) баба, ибо нубиец становится смиренным по первому слову; (достойный) ответ ему заставляет его отступить: яростно (бьются) против него, и он обращает спину, отступают, и он впадает в ярость» (пер. А.Е. Демидчика¹⁶; сткк. 9–12 стелы из Семне = сткк. 6–10 стелы из Уронarti: ...*dr-ntt ir gr m-ht ph ššhm-ib pw n hrw knt pw 3d hst pw hm-ht hm pw m3^c rwd hr t3š.f dr-ntt šdm n3hš r hr n r in wšb.f dd hm.f 3dt r.f dd.f š3.f hm w3.f r 3d*). Собственно говоря, именно здесь мы и видим противопоставление военной силы, способной противостоять чужому натиску, и силы, несостоятельной перед ним, хотя это противопоставление и прилагается к египтянам, а не к их врагам; замечательным образом этот пассаж содержит пейоратив *hm* (Wb. III. 80. 7), переведенный А.Е. Демидчиком как «баба»¹⁷: данное по сути обценное слово пишется с использованием пресловутого иероглифического знака GG(SL) N₄₁, связанного с семантикой женских половых органов, и, похоже, еще и связано игрой слов с омонимичным ему и повторяющимся в этом же пассаже причастием *hm* – «отступающий» (cf. Wb. III. 79).

Совпадение рассмотренного пассажа нубийских стел 16-го года Сенусерта III по семантике и, фактически, по смыслу с пресловутым «оформлением» «стел Сесостриса» согласно Геродоту столь полно, что, как представляется, не может считаться случайным, тем более что данный текст, как показывает его наличие сразу на двух стелах, явно тиражировался в пропагандистских целях. По-видимому, он приобрел известность в неэпиграфических списках в пределах Египта и содействовал тому,

¹⁶ Демидчик 2005, 171–172.

¹⁷ *hm pw m3^c rwd hr t3š.f* – сткк. 10–11 стелы из Семне (Literature 2003, 338: «One who is driven from his border is a real coward») = стк. 8 стелы из Уронarti (Janssen 1953, 54: «Really unvirile is he who is debarred from his frontier»). На присутствие этого слова в данном пассаже обратил внимание А. Блазиус (Blasius 2003, 331), указывая, однако, неверно его транслитерацию (*hmty*, а не *hm*) и соответствующую ему глоссу берлинского «Словаря...» (Wb. III. 80. 8, а не 80. 7) и отчасти ошибаясь при указании его местонахождения в надписи (он дает отсылку к стеле из Семне и стк. 8, что, как видно, соответствует месту этого слова в стеле

из Уронarti). Кроме того, он не обнаруживает в разбираемом пассаже игры омонимами, о которой мы говорим чуть ниже. В написаниях и семантика знака GG(SL) N₄₁ и само употребление данного слова по отношению к воинам-мужчинам акцентированы наличием в нем же детерминатива D₅₂ (изображение фаллоса). В Позднее время чрезвычайно близкое словоупотребление обнаруживается в одной фразе «Стелы Пианхи»: «не совершает [ничего] войско, командир которого – баба» (стк. 15: *n km.n m3^c šw:f m hmty*; Демидчик 2000, 27–31; см. комментарий Н.-Кр. Грималья в связи с употребленным здесь словом Grimal 1981, 33, comm. 75 («*hmty*, “poltroon”, plutôt qu’ “eunuque” ...le mot étant une denomination péjorative à rapprocher de *hmt* (“mignon” (?))...»). В рамках того же семантического горизонта можно рассмотреть и фразу той же «Стелы Пианхи» «превращаешь ты (Пианхи. – И.Л.) мужчину (букв. “самца”) в женщину» (сткк. 157–158: *ir:k k3 m hmti*): смысл ее, по сути, тот же (имеется в виду способность Пианхи, как легитимного правителя, находящегося под покровительством богов, повергать в бессилие противников на поле боя: Демидчик 2000, 27–31; 2005, 146), но *hmt* здесь – это уже не рассмотренный нами пейоратив, а просто слово «женщина».

чтобы сформировать (если не просто сформировал) представление о Сенусерте III как о выдающемся воителе (напомним, что в этом тексте была акцентирована связь успехов этого царя с его личными качествами, а не с его сакральным статусом и не с помощью ему богов – при том что другие цари-воители были склонны, как минимум, не забывать именно эти аспекты!). Очевидно, при этом оставалось известно и происхождение данного текста – сам факт того, что его «официальной публикацией» были памятники Сенусерта III в Нубии. При прочном закреплении в памяти о Сенусерте III ассоциации с его памятниками на чужой земле (повторим еще раз, что в сущности обо всем необходимым для этого постарался сам этот царь и его пропагандисты) механизм его дальнейшего проникновения в античную традицию о Сесострисе в общем не вызывает вопросов. Вместе с тем пока для нас остается неясно, каким образом этот топоним оказался проассоциирован с пресловутыми войнами Сесостриса в Азии: для самого Сенусерта III его кампания в Сирии-Палестине явно была менее важна, чем расширение и закрепление египетского присутствия в Нубии, а масштабы ее не давали никаких оснований воспринять ее как глобальное предприятие, каким рисует войны Сесостриса Геродот.

В то же время свидетельства о сооружении в Азии памятников завоеваний одного из фараонов в древнеегипетской традиции имеются, хотя они и связаны не с Сенусертом III и не со Средним царством, а со следующей большой эпохой египетской истории. Поистине удивительно, что, кажется, ни один из исследователей, занимавшихся сюжетом о «стелах Сесостриса», не уделил внимания упоминаниям о пограничных стелах, возведенных Тутмосом I у достигнутого к его времени рубежа азиатских владений Египта по Евфрату¹⁸. Между тем в «Анналах» Тутмоса III содержится упоминание о том, что во время его похода 33-го года против Митанни (1457 г. до н.э.¹⁹) этот царь, переправившись через Евфрат, возвел стелу «рядом со стелой отца его царя Верхнего и Нижнего Египта Аахеперкара», т.е. Тутмоса I (Urk. IV. 697. 3–5: *d3t Phr-wr n Nhryn3 in hm.fr-h3t mšc.fr 3bty mw pn smn.n.f ky r-gš wd n it.f nšw-bity 3-hpr-k3-Rc*; см. сообщение об этом же деянии в стеле Тутмоса III из Джебель-Баркала: Urk. II. 1232. 11; краткое сообщение о нем же и отсылку к нему в связи с установкой Тутмосом III победной стелы в районе 4-го порога в Нубии – в стеле из Арманта: Urk. IV. 1246. 2, 6²⁰). Обращаясь к Томбосской стеле Тутмоса I, возведенной им в Нубии в районе 3-го порога, мы видим в ней описание его военных свершений (конкретно – похода в Нубию на 2-м году его царствования, т.е. около последних десятилетий XVI в. до н.э.²¹) и суммарную характеристику

¹⁸ Helck 1975; Meyer 1986, 536; Gundlach 2003, 153, Abb. 1; Redford 2003, 222, n. 8 (с отсылками к старой литературе).

¹⁹ Мы придерживаемся так называемой «средней» хронологии новоегипетской истории, в рамках которой 1-й год Тутмоса III = 1490 г. до н.э. (Ладынин, Немировский 2001, 216–217 (прим. 9), 220, 222–223).

²⁰ Helck 1975, 897, Anm. 9; Redford 2003, 107, 155.

²¹ Абсолютная хронология начала XVIII династии (по царствованию Тутмоса II включительно) устанавливается с очень большой долей предположительности. Согласно Ю. фон Бекерату, Тутмос I вступил на престол ок. 1508 или 1501 г. до н.э. и царствовал 10–15 лет (Beckerath 1997, 121); учитывая, что этот исследователь принимает так называемую «короткую» хронологию новоегипетской истории (1-й год Тутмоса III = 1479 г. до н.э.; см. наше предыдущее примечание), «конвертация» его выкладок в систему «средней» хронологии приведет к повышению его дат примерно на 11 лет. Новейшая работа по хронологии Древнего Египта, как представляется, чрезмерно занижает датировки царствований Тутмоса I (1493–1483 гг. до н.э.) и II (1482–1480 гг. до н.э.; Ancient Egyptian Chronology 2006,

его владений. Их точные географические границы описываются фразой: «Южная граница его вплоть до южных пределов земли этой (т.е. Нубии. – И.Л.), северная – вплоть до воды этой перевернутой, текущей вниз в южном направлении» (букв. «в течении вверх»; как известно, это обозначение относилось именно к Евфрату, как к первой встретившейся египтянам реке, которая текла в направлении, противоположном Нилу²²; Urk. IV. 85. 13–14: *t3š.f rsy r hntyw t3 pn mhy r mw pf kđ hdd m hnty*). Характерно, что эта конфигурация границ утверждается в Томбосской стеле как уже сложившаяся на начало правления Тутмоса I и подкрепленная его действиями в Нубии; в этом смысле данный текст очень близок стелам Сенусерта III, поскольку, хотя в нем и говорится о некотором расширении сферы египетского влияния, главной задачей Тутмоса здесь все же оказывается прежде всего закрепление и удержание ее границ. Сооружение Тутмосом I маркирующих эти границы стел у Евфрата (как, кстати, и Томбосской стелы на рубеже египетской Нубии, находящемся теперь южнее, чем в Среднее царство) оказывается таким образом полностью аналогично акции Сенусерта III, и вряд ли будет ошибкой считать, что Тутмос I попросту воспроизвел ее, зная о ней из пропагандистских текстов его предшественника. Заметим, что уже само сходство этих акций создавало определенную предпосылку для контаминации в позднейшей исторической памяти этих двух этапов египетских завоеваний, с подтягиванием их к фигуре наиболее знаменитого из царей-завоевателей, т.е., несомненно, Сенусерта III/Сесостриса. В то же время у подобной контаминации были и более серьезные основания, связанные со спецификой египетских источников о времени Нового царства и с некоторыми закономерностями восприятия египтянами своего прошлого.

Некоторое время назад наш коллега А.А. Немировский заметил в распределении египетских источников о завоеваниях времени Нового царства²³ следующую закономерность: от времени, непосредственно примыкающего к изгнанию из Египта гиксосов – царствований Яхмоса I и Аменхотепа I – практически не осталось царских памятников, делающих акцент на их внешнеполитических свершениях, при том что свершения эти были необычайно масштабными (по существу после изгнания гиксосов в середине XVI в. до н.э. египтяне автоматически унаследовали всю их сферу влияния в Восточном Средиземноморье, до Центральной Сирии включительно²⁴). Первым царем, который начинает прославлять свои военные свершения (причем, в сравнении с последующими эпохами, делает это хотя и броскими, но изолированными штрихами, в частности в Томбосской стеле), оказывается в конце XVI в. как раз Тутмос I. Лишь через три десятилетия после него, в середине XV в. до н.э., начинается время, когда цари – Тутмос III и

199–201, 492), преимущественно за счет принятия ее авторами минимальных из возможных продолжительностей царствования Тутмоса II (соответственно 10 лет и 3 года, в отличие от 10–15-ти и не менее чем 13-ти, согласно Ю. фон Бекерату: Beckerath 1997, 120–121; ср. с возможностью помещения «Эберс-даты» 9-го года Аменхотепа II на конец 1540-х–1530-е годы до н.э., согласно А.А. Немировскому: Ладынин, Немировский 2001, 223).

²² Helck 1977; ср. с мнением Кл. Вандерслеяна, как это часто в его работах, гиперкритическим в отношении традиционной трактовки древнеегипетского термина: Vandersleyen 1998, 17–25.

²³ См. для начала Нового царства их сводку, чрезвычайно удобную своей компактностью и насыщенностью отсылками к источникам: Redford 2003, 185–194. Мы благодарны А.А. Немировскому за подробное обсуждение источников по данному периоду, в ходе которого им и было сформулировано это ценное наблюдение.

²⁴ Немировский 2001, 130–131.

его сын Аменхотеп II – начинают воспевать свои войны, не жалея усилий, с беспрецедентной подробностью в описании и военных кампаний, и эпизодов собственного героизма на поле боя²⁵: по существу именно к образцам этого времени восходит и вся последующая традиция военных текстов Нового царства. Если мы обратимся теперь к картине, запечатленной спустя более чем тысячелетие столь ярким представителем позднеегипетской историографии, как Манефон, то увидим следующее: Манефон приписывает изгнание гиксосов не одному Яхмосу I, как это было в исторической реальности, а двум царям, один из которых запер их в их нижнеегипетской столице Аварисе, а другой – его сын и преемник – попытался взять эту крепость, не преуспев в этом и заключил договор об их уходе из Египта, после чего они создали собственное царство вблизи Иерусалима (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 86–90). Манефон при этом на редкость не тверд в именовании этих царей: по сути дела к обоим из них в разных местах и изводах его труда прилагаются деривативы имен исторических Яхмоса I, Тутмоса III и, возможно, Тутмоса IV, при том что Манефон прямо оговаривает эквивалентность и взаимозаменяемость этих имен²⁶. Уже давно замечено, что описание осады Авариса у Манефона очень близко описанию осады Мегиддо в «Анналах» Тутмоса III и эти события контаминированы²⁷; если же говорить о пресловутом договоре с гиксосами царя, при котором они ушли из Египта, то в истории XVIII династии в этой связи возникает невольная ассоциация с соглашением Тутмоса IV и государей Митанни и касситского Вавилона, которое прекратило войны в Восточном Средиземноморье и открыло так называемую амарнскую эпоху в международных отношениях на Ближнем Востоке²⁸. Как видно, Манефон полностью «подверстал» к эпизоду изгнания гиксосов весь период активных войн Египта и Митанни в середине XV в. до н.э., заодно и «лишив» Египет его территориальных приобретений: результатом этих войн, по Манефону, становится соседство Египта с «новогиксосским» государством с центром в Иерусалиме, которое оказывается тем самым на его ближайшей азиатской периферии²⁹.

Как представляется, подобное искажение Манефоном истории XVIII династии напрямую связано с неравномерностью в ее освещении собственно египетскими источниками этого времени. Очевидно, из всего массива их данных в памяти египтян Позднего времени удержался лишь сам выход их предков на некие азиатские рубежи, оформленный сооружением пресловутых пограничных стел, – событие, примечательное своим сходством с необычайно распропагандированной акцией Сенусерта III и, не в малой степени поэтому, отложившееся в памяти. В то же время было забыто, что обретение этих рубежей было не разовым событием, а содержанием нескольких больших этапов новоегипетской истории. Собственно говоря, современные исследователи установили – и устанавливают – это при помощи тщательного анализа географических и иных реалий, содержащихся в египетских царских текстах, и их сопоставления с реалиями и событийными рядами, известными по клинописным источникам; нет нужды говорить, что египтяне I тыс. до н.э., даже самые образованные из них, были несравненно более ограничены в возможностях такого анализа. При этом следует вполне оценить тот факт, что о

²⁵ См. кроме упомянутой работы Д.Б. Редфорда: Der Manuelian 1987; Spalinger 1982; Большаков, Сущевский 1991, 14–16; Дейнека 1992.

²⁶ Немировский 2001, 132–135.

²⁷ Тураев 1935, 258, 267; Redford 1986, 245 (косвенно); 1997, 25.

²⁸ История древнего Востока 1988, 242; ср. Немировский 1999, 157–158.

²⁹ Ладынин 2009, 168 (с отсылками к А.А. Немировскому).

приобретении Египтом азиатской сферы влияния непосредственно при изгнании гиксосов современникам и коллегам Манефона было не просто трудно узнать; учитывая отмеченные нами особенности египетских источников этого времени, взять эту информацию в «готовом», эксплицитном, виде им, как и современным исследователям, было попросту негде! Реально из новоегипетских источников они могли взять отдельные эпизоды, «прописанные» в них наиболее подробно и впечатляюще, например, то же описание битвы при Мегиддо, известное по «Анналам» Тутмоса; но в таком случае они должны были именно «подверстывать» их к тем значимым военным событиям Нового царства, о которых знали наверняка, а единственным, по сути дела, таким событием для них и было изгнание гиксосов из Египта. Сообразно этому, именно в этом событии, представленном как целый этап начала XVIII династии, и были растворены все так или иначе уцелевшие реалии военной истории этого времени.

Думается, связь этих наших рассуждений с сюжетом о «стелах Сесостриса» стала уже достаточно прозрачной. Мы полагаем, что факт выхода египтян на некий азиатский рубеж, оформленный воздвижением пограничных стел, оказался в исторической памяти I тыс. до н.э. оторван от времени начала XVIII династии и переассоциирован с царствованием Сенусерта III/Сесостриса, воспринятым даже не просто как пик и/или эталон наступательных военных успехов Египта, а как единственный их эпизод за весь период египетской истории, соответствующий историческому II тыс. до н.э. Мы уже называли целый ряд предпосылок для подобной реинтерпретации: это и явная ориентация царей, возводивших свои стелы на Евфрате, на образец, заданный Сенусертом III; и несомненный успех этого царя в пропаганде своего имиджа самого успешного воителя; и тот элементарный факт, что в исторической реальности он тоже воевал в Азии; и прочное забвение в историографии I тыс. до н.э. того, что внешняя экспансия Египта на данном направлении имела место не только при этом царе, но и в эпоху Нового царства. Стоит отметить и такую деталь, как сохранение в позднеегипетской традиции реминисценции о том, что сам предел азиатских завоеваний Египта при Сесострисе пролегал именно по реке, только в рецепции Геродота и других античных авторов этой рекой был уже не Евфрат, а Фасис (Herod. II. 103; Iord. Get. 6; ср. Iust. II. 2. 1) или Танаис (Diod. I. 55. 4; ср. II. 43. 4–6), которые представляются границей между Европой и Азией, а также между оседлыми народами и кочевым скифским миром³⁰.

В заключение мы остановимся именно на этой детали античного сюжета о завоеваниях Сесостриса и ее возможных соответствиях в собственно египетской традиции. Выше мы уже говорили, что и нубийские стелы Сенусерта III, и Томбосская стела Тутмоса I проводят довольно отчетливое различие между *всем* кругом земель, существующих в мире, и собственно территорией, находящейся под политическим господством египетского царя. При этом, несмотря на присутствие этого различия в Томбосской стеле, на терминологическом уровне в ней все же прослеживается стремление отождествить египетские владения со всем миром и одновременно с Египтом как его ключевой частью. О Тутмосе I говорится, что он «собрал пределы всей земли целиком и соединил оба конца ее мощной дланью своей» (Urk. IV. 85. 7–8: *in.n[.f] drw t3 hr nbd.f hnd[.n.f] phwy.fy m hpš.f nht*); в данной фразе принципиально употребление по отношению ко всей совокупности владений Египта термина «земля» (*t3*), который, с одной стороны, является космологиче-

³⁰ Иванчик 1999, 17, 22–29; 2005, 203, 208–214.

ским обозначением всего земного мира (Wb. V. 212. 6 и др.), но, с другой, вызывает отчетливую ассоциацию с представлением о Египте как о *t3*, особой «земле» *raḡ excellence*, предназначенной для служения богам и отличной в этом от «нагорий»-*ḥ3šwt*³¹. «Оба конца земли» в таком случае – это и опять же космологическое по своему смыслу обозначение рубежей этой особой части мироздания и, вместе с тем, вполне прагматическое указание на границы владений Тутмоса I: собственно говоря, они и описываются чисто географически в следующем за данной фразой пассаже Томбосской стелы (см. выше). О таком же прагматическом понимании этого термина свидетельствует и фраза из начала «Анналов» Тутмоса III, содержащая упоминание о мятеже в египетских владениях в Азии «от Иурсы вплоть до пределов земли» (Urk. IV. 648. 6: ...*š3c-m Yrd3 nḡryt-ir phw-t3*), где под «пределами земли» имеются в виду, несомненно, прежние, уже утраченные к началу мятежа, рубежи египетских владений в Северной Сирии и у Евфрата³². Что касается космологического значения этого географического рубежа, то в этом смысле для эпохи Нового царства весьма показательна «Сказка об обреченном царевиче»³³: ее действие разворачивается в Нахарине, т.е. в коренных землях Митанни, как раз лежавших за Евфратом, и эта страна характеризуется, с одной стороны, просто как чужая по отношению к Египту (со своей спецификой, воспроизведенной достаточно отчетливо³⁴), но вместе с тем это еще и мир, в значительной мере противоположный обычному земному, где вступают в действие законы волшебной сказки. Отталкиваясь от сравнения с этим мотивом, можно считать, что, пройдя свой путь до Фасиса или Танаиса и выйдя на соприкосновение с кочевым миром, Сесострис интересующего нас античного сюжета в принципе достиг пределов «нормального» мира, заселенного оседлыми «цивилизованными» народами; дальше начинался принципиально иной мир кочевников, противоположный тому, который был им покорен, и несущий в себе для него угрозу. Аналоги подобному космологическому противопоставлению легко найти в исконных древнеегипетских представлениях о разнице между обитателями «земли», т.е. собственно Египта, и окружающих ее «пустынь»³⁵ при том, что предпосылку к некоему «подключению» к «земле» еще и ее внешних владений мы видели в новоегипетских текстах; однако предполагаемое нами противопоставление конгломерата владений Сесостриса окружающему его миру кочевников – это несомненная новация I тыс. до н.э.³⁶ Такой же, толь-

³¹ Демидчик 2005, 18–19; 137 (со ссылкой на диссертацию Т.А. Дейнеки – об именовании в эпоху Нового царства чужеземцев, подвластных Египту, термином *rmṯ* – «люди», – в норме употреблявшимся по отношению к египтянам, и о презентации египетского царя как «пастыря доброго, бодрствующего для всех людей» как в долине Нила, так и за ее пределами).

³² Учитывая, что Иурса находится в Южной Палестине (Redford 2003, 12–13), подобное широкое обобщение заведомо не было бы употреблено в связи с небольшой территорией между ней и Египтом.

³³ Gardiner 1932, 1–9; Сказки и повести 1979, 78–83, 236–241.

³⁴ Helck 1987, 218–222; Loprieno 2003, 44.

³⁵ Демидчик 2005, 133 сл.

³⁶ Невольно ассоциируется с этим мотивом знаменитое противопоставление Ирана и Турана в сознании иранских оседлых земледельческих народов (Фрай 2002, 66–80). Непосредственное влияние иранских представлений на сюжет о Сесострисе теоретически допустимо, особенно учитывая, что его кодификация Геродотом приходится как раз на время персидского владычества в Египте; однако более существенно, что нашествия кочевников евразийской степи – киммерийцев и скифов – были бедствием, с которым в конце VIII – VII в. до н.э. столкнулись все народы Ближнего и Среднего Востока, не исключая и египтян

ко, видимо, более конъюнктурной, новацией следует считать и «подключение» к сюжету о Сесострисе фикции его проникновения на земли Европы и победы над скифами (Herod. II. 110), построенной, как уже совершенно справедливо отмечалось исследователями, чтобы представить его в выгодном свете по сравнению с не сумевшими победить скифов Ахеменидами³⁷.

Литература

- Большаков А.О., Суцеский А.Г. 1991: Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 3, 3–27.
- Дейнека Т.А. 1992: Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии. Автореф. ... к.и.н. СПб.
- Демидчик А.Е. 2000: Древнеегипетский фразеологизм *jtj... mj jgp n tw* на стеле кушитского царя Пианхи // Чуждое-Чужое-Наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 20–31.
- Демидчик А.Е. 2005: Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.
- Иванчик А.И. 1999: Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 4, 4–36.
- Иванчик А.И. 2005: Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (Pontus septentrionalis, 3). Москва–Берлин.
- История древнего Востока 1988: История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия, Египет. М.
- Ладынин И.А. 2009: Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007–2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады (Труды Государственного Эрмитажа, 45). СПб., 164–180.
- Ладынин И.А., Немировский А.А. 2001: Рец. на: Beckerath J. von. Chronologie der pharaonischen Ägypten. Mainz, 1997 // ВДИ. 2, 216–227.
- Немировский А.А. 1999: Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение // ВДИ. 1, 146–162.
- Немировский А.А. 2001: Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 100–138.
- Сказки и повести 1979: Сказки и повести древнего Египта / Пер. и коммент. И.Г. Лившица. Л.
- Тураев Б.А. 1935: История древнего Востока. Т. 1. М.–Л.
- Фрай Р.Н. 2002: Наследие Ирана². М.
- Хрестоматия 1980: Хрестоматия по истории древнего Востока / М.А. Коростовцев, И.С. Кацнельсон, В.И. Кузищин (ред.). Т. 1. М.
- Ancient Egyptian Chronology 2006: Ancient Egyptian Chronology / E. Hornung, R. Krauss & D. Warburton (eds.) (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden–Boston.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A. 2007: A Commentary on Herodotus' Books I–IV / O. Murray and A. Moreno (ed.). Oxf.
- Barta W. 1974: Das Terminus *twt* auf den Grenzstelen Sesostris' III in Nubien // Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptisches Museums (Staatlichen Museen zu Berlin, Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung, VIII). B., 51–54, Taf. 1–2.
- Beckerath J. von 1997: Chronologie der pharaonischen Ägypten (Münchner Ägyptologische Studien, 46). Mainz.
- Beckerath J. von 1999: Handbuch der ägyptischen Königsnamen. 2. Aufl. (Münchner ägyptologische Studien, 49). München.
- Bevan E.R. 1902: Antiochus III and His Title 'Great-King' // JHS. 22, 241–244.
- Blasius A. 2003: Das Königtum der Ramessiden im Spiegel der griechisch-römischen Überlieferung: Geschichte im Spannungsfeld von Tradition und Konstruktion // Das Königtum der Ramessidenzeit:

(Herod. I. 105).

³⁷ Иванчик 1999, 10–12; 2005, 196–198.

- Voraussetzungen – Verwirklichungen – Vermächtnis. Akten der 3. Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Bonn 07.–10. Juni 2001 (Ägypten und Altes Testament, 31.4). Wiesbaden, 306–348.
- Blöbaum A.I.* 2006: «Denn ich bin ein König, der Maat liebt»: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). Aachen.
- Burton A.* 1972: Diodorus Siculus: Book I (Études préliminaires des religions orientales, 29). Leiden.
- Burstein S.* 1992: Hecataeus of Abdera's History of Egypt // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyse to Constantine and Beyond / J.H. Johnson (ed.) (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). Chicago, 45–49.
- Der Manuelian P.* 1987: Studies in the Reign of Amenophis II (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 27). Hildesheim.
- Gardiner A.H.* 1932: Late Egyptian Stories (Bibliotheca aegyptiaca, 1). Bruxelles.
- Gardiner A.H.* 1957: Egyptian Grammar³. Oxf.
- Garstang J.* 1901: El Arábah. L.
- Griffiths J.Gw.* 1953: βασιλεὺς βασιλέων: Remarks on the History of the Title // CIPh. 48, 145–154.
- Grimal N.-Chr.* 1981: La stèle triomphale de Pi('ankhy) au Musée du Caire JE 48862 et 47086–47089 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 105). Le Caire.
- Gundlach R.* 2003: Thutmosis III und die Mitanni-Frage // Festschrift für Burkhard Kienast zu seinem 70. Geburtstag / G.J. Selz (ed.). Münster, 153–182.
- Helck W.* 1975: Grenzsteine // LÄ. I, 897.
- Helck W.* 1977: Euphrat // LÄ. II, 47.
- Helck W.* 1987: Die Erzählung vom Verwunschenen Prinzen // Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des Alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987 / J. Osing and G. Dreyer (Hrsg.). Wiesbaden, 218–222.
- Janssen J.M.A.* 1953: The Stela (Khartoum Museum No. 3) from Uronarti // JNES. 12, 51–55, pl. LXV.
- Kees H.* 1923: Sesostriis // RE. 2. Reihe. 4, 1862–1876.
- Lloyd A.B.* 1988: Herodotus, Book II. Commentary 99–188 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/3). Leiden.
- Literature 2003: The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry W.K. Simpson (ed.). 3rd. ed. New Haven.
- Loprieno A.* 2003: Travel and Fiction in Egyptian Literature // Mysterious Lands / D. O'Connor and St. Quirke (eds.) (Encounters with Ancient Egypt). L., 31–52.
- Malaise M.* 1966: Sésostriis, Pharaon de légende et d'histoire // CdÉ. 41, 244–272.
- Manetho* / Ed. W.G. Waddell – *Manetho* / W.G. Waddell (ed.). Cambridge–London, 1980 (Loeb Classical Library, 350).
- Meyer Ch.* 1986: Thutmosis I. // LÄ. VI, 536–539.
- Murray O.* 1970: Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA. 56, 141–171.
- Obsomer C.* 1989: Les campagnes de Sésostriis dans Hérodote. Bruxelles.
- Redford D.B.* 1986: Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History (Society of the Studies of Egyptian Antiquities' Publication, 4). Mississauga.
- Redford D.B.* 1997: Textual Sources for the Hyksos Period // The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives / E.D. Oren (ed.) (University Museum Monograph, 96). Philadelphia, 1–44.
- Redford D.B.* 2003: The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III (Culture and History of the Ancient Near East, 16). Leiden.
- Sethe K.* 1900: Sesostriis (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 2.1). Lpz.
- Sethe K.* 1904: Der Name Sesostriis // ZÄS. 41, 43–57.
- Sethe K.* 1928: Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht. Texte der Mittleren Reiches. Lpz².
- Spalinger A.* 1982: Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians (Yale Near Eastern Researchs, 9). New Haven–London.
- Vandersleyen Cl.* 1998: Oublier l'Euphrate // Les voyages dans les civilisations orientales / Travel in the Oriental Civilizations (Acta orientalia belgica, 11). Bruxelles, 17–25.

«THE ARROWS OF SESOSTRIS»: A *TOPOS* OF ANCIENT HISTORIOGRAPHY AND THE REALITY OF ANCIENT EGYPT

I. A. Ladynin

The article deals with the famous *topos* of the classical historiography about the stelae erected by the legendary Egyptian king-conqueror Sesostris wherever he waged war. The stelae bore an inscribed account of the war if the people subdued in it had been valiant; female genitalia were added to the account if the foe had shown cowardice. The earliest and the lengthiest evidence of the fable is Herodotus' narration (II. 102). The prevailing opinion that the prototype for Sesostris was Senwosret III is undoubtedly true; further reasons to connect Herodotus' account with the background of his reign can be found in his Nubian inscription of the year 16 (the Semna Stela BM 1157, ll. 9–12 = the Uronarti Stela Khartoum 3, ll. 6–10), where any unhelpful general retreating from Nubian foes is described as *hm* (Wb. III. 80. 7; actually, an obscenity written with the hieroglyphic sign GG(SL) N₄₁ that symbolized exactly female genitalia and is likely to be translated as «effeminate», «unvirile»; note the root *hm* «to retreat» – cf. Wb. III. 79, similar in phonetics and writing and also present in the same passage of the inscription). There are reasons to believe that the Nubian inscriptions of Senwosret III praising his military effort were widely propagated during his reign, which contributed to shaping his image of the great conqueror (not quite up to reality, as his effort was certainly greater than the extent of his conquests). Eventually, Late Egyptian historiography contaminated the reminiscences of all the stages of Egyptian expansion in the 2nd millennium BC within the story of Senwosret III/Sesostris and probably attached to it the recollections about the stelae erected at the Euphrates frontier by Thutmosis I and III. Hence the inclusion in Sesostris' story of his vast conquests in Asia, as well as of his advent to Europe (Thrace and Scythia), probably, as it has been suggested by the students of the *topos*, under the influence of the Persian time, in order to position Sesostris as a much more successful conqueror than the Achaemenids.